

Византийский монархизм

Еще И.А. Ильин (1883-1954) справедливо утверждал, что многие формальные признаки, обыкновенно приписываемые монархии, противоречат историческим фактам и нередко представляют собой скорее исключения из общих правил, чем сами правила¹. Это суждение как нельзя больше справедливо по отношению к Византии и византийскому монархизму. Например, традиционно полагают, что монархии свойственны единоличность и наследственность власти по мужской линии, правовая безответственность императора и его неподконтрольность со стороны иных общественных союзов. Считается, будто монарх осуществляет одновременно и законодательные, и исполнительные и судебные функции; его власть видится бессрочной, в отличие от власти избранного республиканского правителя, и т.д.².

Однако византийский монархизм, как он сложился законодательно и в качестве норм обычного права Империи, игнорирует львиную долю указанных выше штампов, демонстрируя необычайно яркие и самобытные картины, особенно блистающие на фоне обезличенных «системных признаков». Может быть, это – единичный пример, который не следует принимать во внимание при анализе монархии как формы правления? Но на самом деле, если и можно говорить об исключительности византийского монархизма, то только в том смысле, что именно выработанные им политические и правовые формы были впоследствии перенесены на русскую и европейскую почвы в качестве примера для подражания. А статус царей и культ их власти, само содержание полномочий византийских императоров признавалось наиболее адекватными идее христианской государственности.

Вместе с тем, «благодаря» отдельным публицистическим работам, византийский монархизм наделяется признаками, никакого отношения не имеющими не только к самой идее монархии, но и к наиболее часто встречающимся историческим формам. Например, основываясь на частой смене монархов и отсутствии привычных форм наследования власти, в византийском монархизме иногда усматривают демократические черты, квалифицируя его как выборную монархию. В других случаях, также основываясь на отдельных событиях, византийский православный монархизм

¹ *Ильин И.А.* О монархии и республике // Ильин И.А. Сочинения. В 10 тт. Т. 4. М., 1994. С. 425.

² Показательно, что даже разделенные по времени исследователи сходятся в определении главных отличий между республикой и монархией. Ср., напр.: 1) *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М., 2004. С.243-246; 2) *Поляков А.В.* Общая теория права. СПб., 2001. С. 380-381.

путают с цезаропапизмом и абсолютизмом. Поэтому, идея императорской власти, как она сложилась в Империи, нуждается в известной защите, что возможно, конечно, только при детальном и объективном освещении исторических событий.

I. Преемственность императорской власти

Как известно, Византия не знала четкого законодательства о престолонаследии. Но византийское монархическое правосознание очевидно склонялось к «классическому» варианту династической преемственности власти от отца сыну. Древние монархи говорили о преемстве по кровной линии, как о наиболее естественном и легитимном способе занятия императорского трона³. И пример последней династии - Палеологов, царствовавших с 1261 г. по последний день существования Империи (1453 г.), т.е. почти 200 лет, не является из ряда вон выходящим. Через тысячелетнюю историю православной Византийской империи прошли немало династических линий: династии Константина и Феодосия, Льва и Юстиниана, Великие Комнины, Дуки, Исаврийцы или Сирийская династия, Аморийская (Фригийская) династия, Палеологи, Ираклиды, Ласкариды, Ангелы, блестящие Македонцы, Кантакузины. Это тем более интересно, что далеко не всегда преемство трона даже внутри одной династии происходило по мужской линии. И хотя наследственность являлось всегда желанной и легитимной основой при попытках занять императорский трон, формы, в которые облекалась эта идея, были чрезвычайно многообразны. В Империи довлел не юридикализм, а культ благородства, иерархии и авторитета власти, позволявшие любые отклонения от ординарных форм, если того требовали обстоятельства, и даже допускавшие интерпретации самой идеи наследственности.

Например, после смерти императора Феодосия II Младшего (408-450) его старшая сестра Пульхерия – тогда уже единоличная правительница – избирает своим супругом воинского командира Маркиана (450-457), который и был венчан на царство как император⁴. Очень схоже получил права на императорскую корону Зенон (474-475 и 476-491), бывший мужем дочери императора Льва I Старшего (457-474), не оставившего наследника по мужской линии и пожелавшего передать всю власть малолетнему внуку Льву II Младшему (474) – сыну Зенона⁵. После венчания на царство Лев Младший, т.е. несовершеннолетний сын (!) объявил отца соправителем, и после его

³ «Общечеловеческим законом» называл, например, император Иоанн II Комнин (1118-1143) передачу власти от отца к сыну. См.: *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов // *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Акрополит Георгий. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. Рязань, 2003. С. 29.

⁴ Кулаковский Ю.А. История Византии. В 3 т. Т. 1. СПб., 2003. С.297, 298.

⁵ Там же. С.348, 349.

смерти Зенон остался единственным легитимным императором⁶. Примечательно, что царица Ариадна – дочь Льва I Старшего получила статус августы (императрицы) не по отцовой линии, а по мужьей, как жена императора Зенона. И после его смерти, как законная императрица, она привела к трону своего нового супруга, оставшегося в истории под именем императора Анастасия I (491-518)⁷.

Примечательно, как и когда новый император приступил к своим обязанностям: вначале Анастасий был «избран» императором, а лишь спустя 40 дней после этого состоялось его бракосочетание с Ариадной⁸. Понятно, тем не менее, что его «избрание» стало возможным только при условии последующего бракосочетания с августой, чем и обеспечивалось преемство власти. С другой стороны, сам по себе факт женитьбы императрицы на Анастасии еще не означал со всей определенностью безусловное признание за ним права на императорский титул. Необходимо было именно сочетание двух указанных форм для того, чтобы Империя признала Анастасия легитимным императором.

В истории без труда отыщутся и другие примеры, подтверждающие тот факт, что византийцам вовсе не были чужды понятия наследственности власти. Однако наличие наследников не мешало при необходимости предоставлять трон иным лицам, сохраняя при этом династические права юных царевичей и царевен. Достаточно напомнить, что сохранили свои права на престол представители Македонской династии - младенцы Василий II Болгаробойца (976-1025) и Константин VIII (1025-1028) во времена царствования «взрослых» императоров Никифора II Фоки (963-969) и Иоанна I Цимисхия (969-976), а также Иоанн V Палеолог (1341-1376 и 1379-1391) во время правления императора Иоанна VI Кантакузина (1341-1354). Замечательно, что будучи отставленным вследствие интриг от патронажа над царствующим ребенком, Кантакузин объявил сам себя императором, но по его же прямому указанию имени императора Иоанна V Палеолога и его матери упоминались при славословиях перед ним⁹.

Другой пример приводит современник Алексея Комнина, его родственник и государственный деятель Никифор Вриенний (XI в.). Когда в годы безвластия императорский трон захватил Никифор III Вотаниат (1078-1081), будущий император Алексей I Комнин (1081-1118), увидев, что нарушены законные права наследника - Константина Порфирородного, брата свергнутого царя Михаила VII Дуки Параспинака (1071-1078), предложил

⁶ Там же. С.350.

⁷ Там же. С.393, 394.

⁸ Там же. С.397.

⁹ *Дилль III*. Византийские портреты. В 2 тт. Т.2. М., 1914. С.293, 294.

Никифору признать Константина соправителем, а по достижении совершеннолетнего возраста передать ему единоличную власть¹⁰.

Юный отрок Иоанн IV Ласкарь (1258-1261) признавался наследным принцем при уже коронованном императоре, что и подвигло Михаила VIII Палеолога (1261-1282) на ослепление ребенка. По крайней мере, историк совершенно недвусмысленно говорит о реальных причинах этого зверского поступка со стороны царя¹¹.

Примечательно, что во всех приведенных примерах речь шла о *временном*, т.е. до достижения наследником совершеннолетия, замещении Вотаниатом, Палеологом и Кантакузином трона. И эти примеры нужно учитывать при оценке такого «состоявшегося» для правовой науки критерия, как бессрочность императорской власти.

Но, пожалуй, наиболее неожиданно и разносторонне вопрос о легитимности власти тех или иных императоров проявился при дочерях Константина VIII (1025-1028). Ни он, ни его брат – император Василий II Болгаробоец (976-1025) не оставили наследников по мужской линии. И для обеспечения преемственности власти и защиты своих дочерей – порфирородных Зои и Феодоры Константин незадолго перед своей смертью избирает императором Романа III Аргиропула (1028-1034) и женит его (последний уже состоял к этому времени в браке, который пришлось спешно расторгать) на Зое¹². Через 5 с небольшим лет Роман скончался, и Зоя, как наследница престола по отцу, выбрала императором своего сожителя Михаила IV Пафлогона (1034-1041), который после женитьбы вступил в полные права по управлению Империей¹³. Опасаясь, что после смерти (а царь довольно серьезно болел) недруги перехватят власть у его родственников, новый император потребовал от Зои усыновления своего племянника, будущего василевса Михаила V Калафата (1041-1042), и возведение его в сан кесаря, что и было сделано¹⁴. Вся реальная власть принадлежала последовательно мужу и «сыну», хотя при совместных славословиях в храмах имя Зои, как порфирородной императрицы, упоминалось первым.

Как писал известный русский византист Н.А. Скабланович (1848-1918), воля Зои меньше всего значила в этих обстоятельствах и она понимала свою необходимость покоряться событиям¹⁵. В последующем, уже после смерти дяди, не рассчитавший своих политических возможностей

¹⁰ *Вриенний Никифор*. Исторические записки. М., 1997. С.16, 17.

¹¹ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т.1. Рязань, 2004. С. 87, 88.

¹² *Пселл Михаил*. Хронография. М., 1978. С.21.

¹³ Там же. С.34, 35.

¹⁴ Там же. С. 41, 42.

¹⁵ *Скабланович Н.А.* Византийское государство и Церковь от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. В 2 тт. Т. 1. СПб., 2004. С.155.

Михаил V Калафат решился на единоличное царствование, посчитав присутствие Зои рядом с собой излишним. Императрица была сослана на уединенный остров, что вызвало настоящее восстание в Константинополе. Столичный люд горой встал за оскорбленную царицу и потребовал ее возврата¹⁶. В результате Михаил V был свергнут с трона и ослеплен. По требованию народа царицами-соправителями были определены Зоя и Феодора (ее младшая сестра), как единственно имеющие законные права на императорство.

Но женское правление оказалось недолгим. Вскоре среди ближайшего окружения императриц стало укрепляться убеждение, что если сильная мужская рука не поддержит чести государства, то для Империи наступят тяжелые дни. Было решено вновь найти нового царя, и им стал Константин IX Мономах (1042-1055), который первое время правил совместно с обеими сестрами, одна из которых - Зоя являлась его женой. И в официальных документах говорилось во множественном числе об императорах¹⁷. Наконец, после смерти и Зои, и Константина, Феодора (1055-1056) осталась единственной правительницей. Все ожидали, писал историк, что она вручит власть какому-нибудь благородному и способному повелевать мужу, но императрица некоторое время избегала такого поворота событий. Все же, как и раньше, для сохранения преемства власти ей навязали мужа – императора престарелого Михаила VI Стратиотика (1056-1057)¹⁸. Он-то и остался единоличным монархом после смерти последней представительницы Македонской династии.

Эта история открывает много интересных особенностей. Как оказалось, отвергнутые, слабые женщины, даже насильственно постриженные в монахини (Зоя), оказывались необходимыми, когда речь заходила о легитимности посягавших на трон лиц. Очевидно, что с точки зрения византийского монархического правосознания далеко не всякий имел право вступить на престол. И Роман III Аргир (1028-1034), и Константин IX Мономах (1042-1055) при всем блеске их родов, не говоря уже о Пафлогонце и Калафате, не могли бы стать легитимными царями, если бы не слава Македонской династии, простиравшейся над ними, и браки с царственными женами. Исключительно Зоя, а впоследствии Феодора, по справедливому замечанию Н.А. Скабалановича, являлись источником власти этих царственных мужей¹⁹. Иначе говоря, сам по себе, без царственных сестер ни один из этих императоров ничего не значил. Вместе с тем, и сестры являлись, скорее, лишь носителями образа императорской власти, но представляли

¹⁶ *Пселл Михаил*. Хронография. С.58-63.

¹⁷ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т.1. С. 174, 175.

¹⁸ *Пселл Михаил*. Хронография. С.130, 131.

¹⁹ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т.1. С.163.

весьма слабые в политическом отношении фигуры, не обладавшими никакими реальными полномочиями. Пожалуй, это картина является чрезвычайно показательной для византийского монархизма.

В последующем, после смерти императора Константина X Дуки (1059-1067), его вдова императрица Евдокия, царствовавшая со своими сыновьями Михаилом, Андроником и Константином, пошла на сходную жертву. Как патриотка, здравомыслящий политик и заботливая мать, она вышла замуж за Романа IV Диогена (1067-1071), вследствие чего ее новый муж получил статус императора. «Таким образом перешло к Роману Ромейское царство», - пишет историк²⁰.

Вместе с тем, поскольку отсутствовали четко сформулированные правила преемственности, император не считал себя связанным какими-либо обязательными формами. Как полновластный владыка и православный христианин, готовясь к смерти и подготавливая передачу власти, император, как правило, исходил не из общих соображений и формальных прав на престол прямых наследников. Очень часто выбор царей останавливался на лицах, чья энергия, деловые качества и умение владеть собой оказывались выше, чем у очевидных претендентов в цари. Например, Иоанн II Комнин (1118-1143) передал свою власть не старшему сыну Исааку, а младшему Мануилу, исходя из превосходных качеств последнего²¹. «Избрание» Мануила I Комнина (1143-1180) произошло в присутствии архиереев, придворных, и гвардии, перед которыми василевс пространно обосновал свой выбор.

После того, как Андроник отказался выкупить своего отца Иоанна V Палеолога (1341-1376 и 1379-1391) из венецианского плена, василевс назначил своим преемником другого сына – будущего императора Мануила II Палеолога (1391-1425). Правда, история на этом не закончилась. Оскорбленный старший сын организовал два заговора, второй из которых был удачным, и вскоре короновался под именем Андроника IV Палеолога (1376-1379) вместе со своим сыном Иоанном VII Палеологом. Впоследствии между отцом и сыном наступило примирение, и Андроник вновь был назван наследником престола, но вскоре умер (1385)²². Царем по праву стал Мануил.

Впрочем, император мог передать власть не старшему сыну и даже вообще не сыну, а дальнему родственнику или «постороннему» человеку. Так, например, поступил Исаак I Комнин (1057-1059), передавший императорскую власть не сыну – на чем настаивала его жена Анна Далассина и родственники, а Константину X Дуке (1059-1067)²³. Слабый политик император Феодосий III (715-717) передал императорский венец Льву III

²⁰ Пселл Михаил. Хронография. С.176-178.

²¹ Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Книга 1, гл. 10. С.29-31.

²² Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 тт. Т.5. М., 2002. С.490-491.

²³ Пселл Михаил. Хронография. С.167. Ср.: Дилль III. Византийские портреты. Т. 1. С. 348.

Исавру (717-741)²⁴. Хотя и вынужденно, но тем не менее Михаил I Рангаве (811-813) отказался от трона в пользу совершенно постороннего для себя с точки зрения родства человека - нового императора Льва V Армянина (813-820). Андроник II Палеолог (1282-1328) очень рано наметил передачу власти внуку по линии умершего старшего сына, царя и соправителя Михаила IX Палеолога (1295-1320) - Андронику III Младшему (1328-1341)²⁵. Со временем, после многих трагичных событий, императором действительно стал Андроник III Младший, а права на трон сына императора от первого брака – Константина практически не учитывались.

Для того, чтобы понять, как личная воля императора сметала все формальные преграды, достаточно указать на личность незаконнорожденного внука того же Андроника II Старшего – Михаила Кафара. Этот внук в определенный момент времени был истребован дедом к себе и снискал такую его любовь, что даже любимец императора Андроник Младший опасался за судьбу императорской короны²⁶. Поэтому позже он потребовал от деда клятвы, что тот никого не сделает наследником самодержавия, кроме Андроника Младшего²⁷.

Помимо передачи императорского титула наследственным путем в истории Византии найдется немало ситуаций, когда власть переходила либо вследствие заговоров, либо после «смутных времен». К первой группе можно отнести, например, Иоанна I Цимисхия (969-976), Леонтия I (695-598), Анастасия II (713-715), Василия I Македонянина (867-886), хотя формально Василий ранее был усыновлен императором Михаилом III (842-867) и являлся его соправителем на троне, Михаила VII Дуку Паропинака (1071-1078), Никифора III Вотаниата (1078-1081), Алексея I Комнина (1081-1118). Ко второй – Льва I Старшего (457-474), Ираклия I Великого (610-641), Никифора II Фоку (963-969), Льва III Исавра (717-741), Михаила II Травла (820-829) и др.

В исторической литературе тех древних лет иногда употребляется термин «избрание» царя, когда речь шла о преемнике после смерти монарха, не имеющего прямого наследника. Но, как легко убедиться, ни с какими «демократическими» идеями такого рода «избрание» не соприкасается. На самом деле все решала личная воля императора, если к этому времени, конечно, он был еще жив. Присутствие при акте «избрания» Сената, ближнего окружения умирающего василевса и иных слоев населения являлось зачастую лишь необходимой декорацией. Приведем некоторые типичные картины.

²⁴ Васильев А.А. История Византийской империи. В 2 тт. Т.1. СПб., 1998. С.311.

²⁵ Григора Никифор. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Т. 1. (1204-1341). Книга 8. Рязань, 2004. С.207, 208, 215, 227.

²⁶ Там же. С. 215, 216.

²⁷ Там же. С. 227.

Умиравший бездетный император Юстин II Младший (565-578), избранный на царство своим великим дядей св. императором Юстинианом I Великим (527-565), назначил преемником на троне Тиверия (578-582) – начальника царских телохранителей и провозгласил его кесарем. После того, как император выступил с проникновенной речью, раздался, по словам древнего историка, шум рукоплесканий подданных и сильный поток восхвалений, «как частый дождь». Это и называлось «избранием»²⁸.

В последующем, завершая свой жизненный путь, уже император Тиверий собрал патриарха, архиереев, преторианцев, т.е. гвардию, телохранителей, приближенных, виднейших граждан и указал им нового императора – Маврикия (582-602). Он же непосредственно возложил венец и императорскую порфиру на своего избранника²⁹. Длинная и трогательная речь умирающего императора имела, скорее, значение напутствия своему избраннику и составляла необходимую часть традиционного этикета, которому всегда уделялось в Византии повышенное внимание.

Конечно, когда не было ни прямых наследников, ни даже вдов, через которых Империя могла получить законного правителя, когда, короче говоря, отсутствовали обычные способы передачи власти, Церковь, Сенат, аристократия и армия (вне зависимости от того, кто именно был инициатором такого предложения) сами останавливали выбор на конкретном лице. Например, так были избраны на престол Юстин I (518-527), Лев I Старший (457-474), Анастасий I (491-518), Филиппик (711-713) и др. Описание одного из таких событий, когда армия избрала императором Никифора II Фоку (963-969), дает византийский историк Лев Диакон³⁰. Отметим, что нечто подобное происходило в гораздо более поздние времена и в России, когда династия Рюриковичей прервалась. Тогда на престол последовательно были избраны земскими соборами Борис Годунов, Василий Шуйский и родоначальник новой династии Михаил Федорович Романов. Но таких случаев как в России, так и в Византии было относительно немного. Кроме того, было бы совершенно безосновательно полагать, что вошедший таким путем на трон император считал себя связанным «народной волей». Он был обязан руководствоваться православными догматами и канонами, «римскими законами», общим благом и иными, вытекающими из данных основ православной византийской государственности принципами и традициями.

Поскольку император был священной фигурой, без которого не мыслилось само существование Империи, избраниям и даже заговорам обычно находили приличное объяснение. Приводились многочисленные подтверждения тому, что восшествию на трон императоров – «выскачок» предшествовали чудесные события. А Господь заранее давал знать об особом предназначении таких лиц. Это – практически стандартный вариант для

²⁸ *Феофилакт Симокатта*. История. Книга 3, гл. XI-XII. М., 1996. С. 85-87.

²⁹ Там же. Книга 1, гл. I-II. С.8-11.

³⁰ *Диакон Лев*. История. Книга 3, глав. 4. М., 1988. С.25, 26.

внединастичных императоров. В качестве примера можно привести историю пророчеств о знаменитом Маркиане – устройтеле Халкидонского Собора, ставшем императором из обычных «служак»³¹. Знал о своих счастливых предсказаниях и Юстин I (518-527) – дядя будущего императора Юстиниана Великого (527-565), и другие «случайные» императоры³². Промысел Божий вел к царству Льва V Армянина (813-820) и Михаила II Травла (820-829)³³. Тайное предсказание сопровождает начало жизненного пути Василия I Македонянина (867-886), которому, согласно легенде, задолго до царствования было открыто счастливое предзнаменование³⁴. А император Филиппик Вардан (711-713), согласно воспоминаниям современников, трижды (!) получал весьма ободряющие пророчества о его грядущем царствовании³⁵. Михаилу VIII Палеологу (1261-1282) также дано было знать, что он станет императором³⁶. Таким образом, все элементы императорской жизни и его статуса подчеркивали ту важнейшую деталь, что не «человеческим мятежным волеием», а исключительно по Божьей воле то или иное лицо восходит на трон.

И было бы наивным полагать, будто императоры являлись лишь слепыми орудиями той или иной политической партии. На самом деле, император не считал себя связанным кругом ближайших лиц, даже если им был обязан императорским трон. Этой независимости императоров способствовали и монархические традиции Церкви, и, соответственно, народное правосознание.

Лишь однажды, пожалуй, зашла речь о «выборной монархии», имеющей, правда, черты аристократической республики. Это произошло в эпоху Никейской империи, когда Михаил VIII Палеолог (1261-1282) честолюбиво рвался к власти. Тогда, в обосновании своего клятвopреступления перед покойным государем Феодором II Ласкарисом (1254-1258), которому и сам Палеолог, и аристократы давали клятву о верности сыну – Иоанну IV Ласкарису (1258-1261), пришлось выдумать «теоретическую основу», необходимую для возвышения Михаила и его помазания в цари. Но уже вскоре после того, как цель была достигнута, Палеолог, по словам историка, думал уже только о том, как обеспечить

³¹ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т.1. С.296, 297.

³² Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 2. СПб., 2003. С. 10.

³³ «Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей». СПб., 1992. Книга 1, 2-3.

³⁴ Дилль Ш. Византийские портреты. Т. 1. С.171, 172.

³⁵ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 3. СПб., 1996. С.288.

³⁶ Пахимер Георгий. История Михаила и Андроника Палеологов. Книга 1, глав. 11. С. 24, 25.

единоличность своей власти и ее передачу сыну - Андронику II Палеологу (1282-1328)³⁷.

II. Формы единоличной власти

Удивительно, но при культе единоличной власти именно для Византии являлась совершенно типичной ситуация, когда в Империи царствовали одновременно двое и более царей.

Главным образом, конечно, эта мера имела своей целью обеспечить преемство власти от отца к сыну (или другому близкому лицу). Так, после смерти императора Аркадия (395-408) августой была провозглашена его дочь Пульхерия, а сын Феодосий (будущий инициатор Третьего Вселенского Собора) находился под ее регентством. Позднее, когда император вошел в дееспособный возраст, он, как и сестра, являлся императором, причем политическая роль сестры в конце царствования Феодосия II Младшего (408-450) даже усилилась. Каждый из них имел свой штат слуг и придворных³⁸.

Иногда многовластие являлось вынужденной мерой, поскольку одновременно присутствовало два и более прямых наследников. Например, после смерти Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия к власти пришли два сына императора Романа II (959-963). По договоренности между собой они решили не делить власть, а соправительствовать. Правда, вся полнота власти отошла к более взрослому Василию Болгаробойцу (976-1025), а младший Константин VIII (1025-1028) лишь унаследовал титул императора³⁹. Но формально, оба лица являлись законными императорами.

Нередко признание себя или какого-либо лица соправителем инициировалось тайным соискателем трона либо его сторонниками как необходимая стадия для последующего захвата власти. Так, стремясь к единоличной власти, Михаил VIII Палеолог подготовил избрание себя кесарем, а затем и царем – соправителем юного Иоанна Ласкариса⁴⁰. Аналогичная картина случилась в отношении Андроника I Комнина (1182-1185) и умертвленного им позднее малолетнего Алексея II Комнина (1180-1183), сына Мануила I Комнина⁴¹.

³⁷ Там же. Книга 2, глав. 25. С.110.

³⁸ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С.228-240.

³⁹ Пселл Михаил. Хронография. С.6.

⁴⁰ Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Книга. 1, глав. 30; Книга 2, глав.5, 8, 9 // Пахимер Георгий. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Т.1. Патриарх Фотий. Сокращение церковной истории Филосторгия. Рязань, 2004. С. 59, 69, 72-73.

⁴¹ Хониат Никита. Царствование Алексея Порфирородного, сына царя Мануила. Глава 18 // Хониат Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина. В 2 тт. Т. 1.Рязань, 2003. С. 283-286.

Порой признание соправителем производилось в качестве награды лицу за его преданность и верность. Например, император Михаил III (842-867) признал своим соправителем Василия Македонянина в качестве благодарности за его заслуги. В Троицын день 866 г. император прошел в Храм Святой Софии совместно с Василием, где уже стояли два трона, а его секретарь прочел царский указ. Из указа следовало, что Василий признается блюстителем и правителем Империи и его должно величать императором, как и самого Михаила⁴².

Но такие ситуации были все же редки. Соправительство должно было либо решить задачу обеспечения преемственности власти, либо сохранить «статус кво», хотя бы и временный. Например, как после смерти Ираклия I Великого (610-641), когда были венчаны на царство оба его сына от разных жен: Ираклион (641) и Константин II (641-668).

Впрочем, соправительство не означало пропорционального разделения власти между несколькими лицами. Царями могли быть несколько персон, но императором всегда являлся только один. Именно ему принадлежала вся полнота власти, а соправители-цари довольствовались теми полномочиями, какие им даровал император. Неравенство соправителей императорам определялось по-разному. Иногда оно являлось очевидным вследствие различия в возрасте, иногда подчеркивалось особыми формами. Например, как отмечал древний историк, Михаил VIII Палеолог разрешил своему сыну и соправителю Андронику II (1282-1328) подписывать хрисовулы и иные императорские указы. Андроник так и подписывался: «Божией милостью царь римский», и даже имел царский жезл – символ власти, скопированный с отцовского. Но его указы не имели указания на месяц подписания, который проставлялся лично самим императором. Таким образом, указы сына вводились в действие в те сроки, какие определял отец-император, и обретение ими силы связывалось, все же, именно с его именем, а не именем сына⁴³.

Император мог и отказаться от власти в пользу соправителя. Например, умирающий император Юстин Младший (565-578), уже избравший в свои соправители Тиверия, определил главенство следующим образом: «Если ты хочешь, я существую; если не хочешь, я не существую»⁴⁴. Примечательно, что формально Тиверий был провозглашен императором только 26 сентября 578 г., умер Юстин Младший 4 октября 578 г., и эти слова Тиверию были сказаны Юстином еще тогда, когда его преемник и соправитель формально являлся «всего лишь» кесарем (7 декабря 574 г.), хотя и именовался уже «царем».

Но при необходимости императоры открыто демонстрировали, чего стоят «звонкие» титулы. Например, уже упоминавшийся Василий

⁴² Дилль III. Византийские портреты. Т. 1. С.189, 190.

⁴³ Пахимер Георгий. История Михаила и Андроника Палеологов. Книга 4, глав. 29. С. 203.

⁴⁴ Феофилакт Симокатта. История. Книга 3, глав. XI. С. 86.

Македонянин практически был вынужден организовать заговор против царя, поскольку тот безосновательно решил его казнить, хотя Василий являлся и «сыном» императора, и даже царем – соправителем⁴⁵.

Несколько необычную по своей разносторонности картину, непосредственно касающуюся вопросов о способах наследования императорской власти и получения ее, дает многолетняя эпоха царствования Константина VII Багрянородного (913-959). Оставшись после смерти отца – императора Льва VI Философа (886-912) несовершеннолетним царем, которого опекал специальный совет, Константин для обеспечения своих интересов передает опеку над собой (!) будущему императору Роману I Лакапину (919-944). После женитьбы на дочери Романа - Елене он сопричислил Лакапина к царствованию, объявив его вначале кесарем, а затем и соимператором. Позднее, по требованию Романа, Константин объявляет соимператорами трех его сыновей и коронует их, затем провозглашает императрицей супругу самого Лакапина, а позже причисляет к царской власти внука и тезку Лакапина – юного Романа⁴⁶. Однако сыновья Романа I Лакапина организовали удавшийся заговор против своего отца, отстранив его от власти: ходили слухи, будто он, недовольный сыновьями, собирался объявить своим наследником Константина Багрянородного. Некоторое время они царствовали втроем с Константином VII, не решаясь совсем отказаться от него по причине отсутствия у них каких-либо законных оснований на престол. Но потом они были низложены императором, пострижены в монахи и сосланы⁴⁷. При всех указанных перипетиях очевидно, что и тогда уже фактор наследственности власти являлся столь значимым и настолько согласовывался с легитимностью самой власти василевса, что его не мог игнорировать самый отчаянный претендент на императорский титул.

Хотя очень часто факт усыновления или соправительства являлся для претендента важным шагом в борьбе за верховную власть, но бывали и исключения. Императоры могли усыновлять и иностранцев-варваров, что, конечно, не влекло за собой никаких династических последствий. Интересная история, связанная с этим древним обычаем, произошла при императоре Юстине I (518-527) и тогда еще совсем молодом кесаре Юстиниане. Персидский царь Кавад, опасаясь за жизнь своего сына и наследника, попросил Юстина усыновить его. После некоторого размышления император отказал в удовлетворении этой просьбы, что, однако, не имело отношения к самому существу предложения, а связывалось с политическими мотивами⁴⁸.

⁴⁵ Дилль III. Византийские портреты. Т. 1. С.191-194.

⁴⁶ Успенский Ф.И. История Византийской Империи. В 5 тт. Т.3. М., 2002. С.422-428.

⁴⁷ Там же. С.430-432.

⁴⁸ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Книга 1, глав. XI, 6-10// Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб., 2001. С.29.

III. Свойства императора как необходимое условие признания его власти

Император являлся, конечно, сакральной фигурой для Византии и власть его едва ли имела границы, особенно при сильных личностях. Но отсутствие «конституционных» ограничений вовсе не означало, будто император мог делать все, что ему угодно. Как показывает история, такие лица довольно быстро расставались с престолом и нередко вместе с жизнью, глазами или со статусом мирянина (ослепление и пострижение в монахи).

По меткому выражению Скабалановича, отсутствие четкого порядка престолонаследия вело в том числе к тому, что императоры нередко искали себе поддержку в народной массе. И эта связь была живой и действенной, поскольку в народном сознании, воспитанном Церковью, сохранялся свой образ православного императора. «Неограниченный монарх, - писал Скабаланович, - должен был покоряться форме... Над монархом личным стоял монарх отвлеченный, сдерживал его и ограничивал»⁴⁹.

Как только византийское общество приходило к выводу, что император правит в ущерб «общему благу» или Церкви, что он несправедлив и корыстен, расплата наступала очень быстро. Как правило, в таких случаях не обходилось без заговора. Прямые восстания были редки, хотя известны и они, например, при тиране Андронике I Комнине (1182-1185), свержение которого не было заранее организовано и случилось спонтанно⁵⁰, при кровавом царе Фоке (602-610), Михаиле V Калафате (1041-1042) и т.п. Но большей частью инициатива принадлежала, конечно, высшей политической и военной элите. Удачные перевороты свергли с престола действующих императоров, но очень часто вследствие этого на престол выходили личности, в которых Империя остро нуждалась. Наиболее характерные примеры представляют Исаврийцы, Македонская династия и Комнины.

Прав был Н.А. Скабаланович, отмечавший следующие особенности византийского монархизма. Чем более значительным авторитетом пользовалась та или иная династия или конкретный император, по воле которого новый царь наследовал трон, чем традиционнее был способ передачи власти, тем меньшее значение играло мнение общества. Напротив, в тех ситуациях, когда данные обстоятельства что называется «висели на волоске», поддержка Церкви, Сената, аристократии и, наконец, видных групп византийского общества имела чрезвычайно значение⁵¹.

Обыкновенно роль орудия возмездия играла, без всякого сомнения, аристократия. Во-первых, как и в любом обществе, в аристократических кругах всегда живут узурпаторские настроения, от которых не была свободна

⁴⁹ Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т.1. С.258.

⁵⁰ См.: Юревич Октавиуш. Андроник I Комнин. СПб., 2004. С. 156, 157.

⁵¹ Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т.1. С.261, 262.

и Византия. А наличие многих форм в деле престолонаследия довольно часто служило маяком для некоторых честолюбивых душ. Во-вторых, как и везде, аристократия имела свои партии, поэтому приход к власти ставленника одной из группировок напрямую предопределял доступ к высшим государственным должностям. Наконец, являясь политической элитой Империи, аристократия всегда имела в своих рядах ярко выраженных патриотов. С одной стороны, это определяло высокий уровень лояльности к императорскому титулу, с другой – многим обязывало самих императоров. Если царь представлялся несправедливым, а его политика – гибельной, смена императора, как правило, являлась вопросом времени.

Показательным примером является приход на трон императора Ираклия I Великого (610-641), которому Византия была обязана, в частности, спасением от персов и возвращением Честного и Животворящего Креста Господня. Оценив всю пагубность политики императора Фоки, аристократия самоорганизовалась, выдвинув из своей среды наиболее талантливого лидера – экзарха Африки Ираклия⁵². Но когда Ираклий совершил кровосмесительный брак, его авторитет резко упал в народе, связавший причинной связью грех императора и неудачи последних лет его царствования. В конце концов, эта история стоила трона жене Ираклия Мартине и ее сыну Ираклону (641), ненадолго ставшему императором⁵³.

Иногда роль орудия судьбы выпадала непосредственно армии, причем не воинским начальникам, а «слепой» солдатской массе. Именно таким путем был низвержен с трона император Маврикий, а на его место вознесен тиран из незначительных воинских командиров Фока, о котором выше уже шла речь⁵⁴.

Появление после слабосильных и неавторитетных императоров – Филиппика Вардана (711-713), Анастасия II (713-715), Феодосия III (715-717) выдающегося полководца, стоявшего во главе анатолийских войск - Льва III Исавра (717-741), незадолго перед тем победившего арабов при Амориуме, безусловно, явилось основным критерием его выдвижения на императорский престол. Как справедливо писал немецкий историк А. Мюллер (1848-1892), «в глазах всего греческого народа драгоценным ручательством доблести и энергии полководца явились недавние факты его задержания наступления неприятеля и спасения крепости от угрожавшей ей опасности. Заразительный пример жителей Амориума, провозгласивших немедленно же полководца императором, встретил повсюду подражание»⁵⁵.

Свержение императора Андроника II Палеолога (1282-1328) древние историки объяснили тем, что «народ устал от долгого правления царя». Но, как показывает ход событий, уже изрядно постаревший император физически

⁵² Кулаковский Ю.А. История Византии. Т.3. С.19-26.

⁵³ Там же. С.161-166, 169.

⁵⁴ См.: *Феофилакт Симокатта*. История. Книга 7, глав. VII – XIII. С 218-239.

⁵⁵ Мюллер А. История ислама. В 2 т. Т.1. М., 2004. С.587.

не мог справиться с проблемами, которыми было богато время его царствования. Поэтому симпатии Церкви, населения и аристократии были на стороне молодого Андроника III Палеолога (1328-1341), с которым связывались известные надежды. Показательно, как молодой царь обосновывал свои притязания на императорство. «Когда я вижу, - говорил он в собрании, - что царь от старости дошел до крайней недейтельности и бесчувственности..., когда я вижу это, то тяжело страдаю, не могу выносить терзающей мое сердце тоски и вот решился на одно из двух: или умереть и проститься со своей жизнью и со своей скорбью, или же по силам помочь Римскому государству... Может быть, некоторые подозревают меня во властолюбии, видя, что я восстаю против деда-царя...Я и не отвергаю это вполне, но не вполне и признаю. Если бы я видел, что Римское государство возрастает и наши пределы расширяются, то я охотно сколько угодно хранил бы спокойствие»⁵⁶. Судя по тому, как происходили последующие события и как сторонники оставили престарелого императора, можно полагать, что мотивы молодого царя были благосклонно приняты обществом.

Было бы бессмысленно полагать, будто любой удачливый проходимец мог захватить императорский трон. Весьма щепетильные в подобного рода делах византийцы недолго оставляли узурпатора у власти. Претендент должен был обладать определенным набором качеств, отсутствие которых лишали его всяких шансов на успех (поэтому, кстати сказать, фигура императора Фоки является для Империи исключительной и, конечно, негативной).

Император обязан был быть православным, т.е. верующим в то Учение, которое исповедовала Церковь. С этой целью очень часто императоры при восшествии на престол давали патриарху письменное изложение своей веры. Кажется, за всю свою историю Византия не знала императора-ересиарха или еретика, которые бы приступали к таинству помазания, не являясь правоверными христианами и добрыми сынами Церкви. Исключения, по-видимому, составляют язычник Юлиан-отступник (361-363), царствовавший на заре Империи, и Иоанн V Палеолог (1341-1376 и 1379-1391), перешедший через некоторое время после своего воцарения в католичество. Впрочем, это не мешало ему управлять Империей по-прежнему, а Церкви – относиться к нему с обычным для императорской особы почтением⁵⁷. Измена императора вере в данном случае явилась, скорее, неудачным способом для достижения желанной цели – получения помощи римского первосвященника в борьбе с турками, которая, правда, так и не пришла. Это являлось личным делом василевса и никак не отразилось на структуре общества и характере взаимоотношений между Церковью и государством. Поэтому, как и ранее при Михаиле VIII Палеологе – инициаторе Лионской унии 1274 г. с Римом, епископат и все общество мудро «не заметили» перемены, произошедшей с

⁵⁶ *Григора Никифор*. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. Книга 9, глав. 2. С. 283, 284.

⁵⁷ *Поляковская М.А.* Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998. С. 60, 121, 127.

царем. Но в целом отклонение от Православия наследника престола либо иного лица, претендующего на трон, могли повлечь самые серьезные последствия и спутать любые политические планы.

Император должен был принадлежать к политической элите общества, т.е. либо быть престолонаследником, либо соцарствовать императору, либо принадлежать к знатному и богатому роду. Интересно, что обосновывая права Алексея I Комнина (1081-1118) на императорский трон, Никифор Вриенний (XI в.) отмечает и знатность рода Комниных, и древность рода Дук, на представительнице которого Алексей был женат, и их связь с св. и равноапостольным Константином I Великим (324-337), и т.п. Кстати сказать, для полного подтверждения прав Комниных на престол, Вриенний применил и другой традиционный прием – указал на факт улучшения дел в Империи как явное свидетельство того, что вступление на престол Алексея совершилось по воле Божьей: «Добрые последствия явно указывают и на доброе начало»⁵⁸.

Конечно, и здесь бывали исключения, хотя и очень редкие, например, уже указанный выше солдат Фока. Однако Юстин, Тиверий, Лев I Старший, Маврикий, Анастасий, Филиппик, Михаил I Травл, Лев V Армянин, Константин IX Мономах, Иоанн I Цимисхий, Никифор I, Михаил II Рангаве, Исаак II Ангел, Феодор II Ласкарь, Михаил VIII Палеолог, Иоанн Кантакузин, как и подавляющее число других императоров, принадлежали к высшей военной элите, хотя многие из них были простого происхождения. Простым крестьянином был по рождению и Василий I Македонянин. Впрочем, ко времени заговора он занимал уже высокие придворные должности и имел группу соратников. Лев I (457-474), по народному преданию, был мясником, и в Константинополе долго показывали стойку, за которой он торговал мясом⁵⁹. Лев III Исавр был первоначально ремесленником и не отличался образованностью, но также принадлежал к воинской элите и являл собой образ удачливого и любимого войсками полководца. Михаил V Калафат в том числе потому не имел сильных сторонников, что не получил признания со стороны политической элитой Империи.

Император обязан был быть византийцем (ни один император не принадлежал другому государству, как это нередко бывало за Западе), хотя вопрос о его этническом происхождении мало кого интересовал сам по себе. Интересно отметить также весьма разнообразный этнический состав императоров и императриц. Как это ни покажется странным, многие византийские императоры были этническими армянами. Пурпурную обувь – знак высшей политической власти носили помимо них исавры, славяне, греки, наследники древних римских родов, хазары, германцы. Во времена крестовых походов и после них, когда влияние Запада на Империю возросло, часто византийские императоры брали в жены западных принцесс и также выдавали своих дочерей, племянниц и иных родственниц за западных

⁵⁸ Вриенний Никифор. Исторические записки. С.23.

⁵⁹ Дилль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С.61.

государей, что естественно, сказывалось на этнических признаках носителей верховной власти⁶⁰.

Император не мог быть калекой. Византия знала универсальный способ, препятствующий борьбе за трон – ослепление претендента, иногда – обрезание его носа. Из всех ослепленных претендентов, императоров и мятежников – неважно, действительно таковых, либо оговоренных – только Исаак II Ангел (1185-1195 и 1203-1204) сумел войти вторично на престол, будучи ослепленным своим братом Алексеем III Ангелом Комниным (1195-1203). Хотя вторично он, все же, царствовал вместе с сыном – Алексеем IV Ангелом (1203-1204)⁶¹. А из лиц, искалеченных иным способом, только Юстиниан II Ринотмет (685-695 и 705-711), т.е. «с обрезанным носом», оказался в состоянии вторично вернуть себе императорский титул⁶².

Хотя традиция явно склонялась в пользу мужчин, но в Византии допускалось и императорство женщин. Например, полноправными соправителями императоров и единоличными царицами были Пульхерия, Ариадна, Зоя, Феодора, Евдокия – вдова Константина Дуки, св. Ирина (797-802), Феодора (842-856) – жена последнего императора иконоборца Феофила (829-842).

Наконец, свержение того или иного лица с трона практически навсегда закрывало для него доступ к императорству. Более того, утрата императорских регалий старшим лицом в династии обычно ставила крест и на попытках других представителей царствующей семьи взойти на трон. Объяснений этому несколько. Во-первых, считалось, что данная семья или династия не оправдала надежд и не способна по своим качествам к управлению Империей. Во-вторых, перевороты нередко сопровождались убийствами, казнями или ослеплением экс-монархов. В-третьих, очень часто свергнутые императоры принимали постриг и уходили из мир, а императоров из монашесствующих Империя не знала (наверное, единственное исключение составляет Зоя). Правда, бывали редкие исключения, когда свергнутый император оставался в живых и не постригался. Например, вторично царствовали императоры Зенон (474-475 и 476-491), Юстиниан II Ринотмет, Исаак II Ангел и Иоанн V Палеолог, свергнутый своим сыном Андроником IV Палеологом (1376-1379), но потом вновь получивший императорскую власть.

IV. Культ императорской власти

⁶⁰ Дилль Ш. Византийские портреты. Т.2. М., 1914, главы VI, VII, VIII, IX. Ср.: Гийу Андрэ. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С.167-169.

⁶¹ См.: Хониат Никита. Вторичное царствование Исаака Ангела вместе с сыном своим Алексеем. Глава 1. // Хониат Никита. История со времени царствования Иоанна Комнина. Т.2. Рязань, 2003. С.226, 227.

⁶² Кулаковский Ю.А. История Византии. Т.3. С.261, 272 и далее.

Императорская власть, по справедливым словам французского исследователя Андрэ Гийу, являлась основанием политического и административного управления Византийской империей. Поставленный Богом во главе государства, император был живым законом, его воля не могла быть ничем ограничена, распространяясь на всех лиц, включая церковный клир и иерархов, и все подданные были его рабами или слугами⁶³. Эта идея монархической власти, господствовавшая в Византии, являлась естественным следствием практической реализации основных начал христианского правосознания. Поскольку вся власть исходит только от Бога, то император, по Православному Учению, являлся представителем Христа на земле, Его местоблюстителем в Священной державе. Далее философское умозрение у византийцев связывалось с политической реальностью через понятие «мимезиса» («отражения, «подобия»), кардинальное для греческой культуры и жизни. Император был прообразом Царя Небесного, а Империя – Царствия Христова. Именно поэтому с титулом императора связывались такие роскошные церемонии и таинства⁶⁴.

Примечательно, что даже в случае с императором Михаилом II Травлом, небезосновательно подозреваемом в ереси афинган, летописец, изливший немало резких слов по поводу персоны царя, совершенно оставляет свои упреки при описании противоборства императора с мятежником Фомой Славянином. Последний выставляется в самом неприглядном и порой даже жалком виде, зато император являет собой живое олицетворение мудрости и благородства⁶⁵.

Идеологическое обоснование императорской власти было заложено еще в «Поучительных главах» императору Юстиниану, авторство которым принадлежит диакону храма Св. Софии Агапиту (VI в.). Хотя император и получает власть от Господа, говорится в «Главах», но как человек, он создан из праха. Как император, он обладает непогрешимостью, но как живой человек также способен ошибаться и поддаваться страстям. Поэтому, вся роскошь, обряды и иные формы почитания власти императора имели отношения непосредственно к Богу и данному им институту императорской власти, а не к самому императору как физическому лицу⁶⁶.

Император именовался «святым», «Божественным», «сыном Божиим», «владыкой всех христиан вселенной», хотя, конечно, Отцы Церкви и рядовые византийцы прекрасно были осведомлены о тех недостатках и личных пороках, которыми страдали многие из них. Ему воздавалось особое почитание, выражавшееся в поклонении, т.е. в наклонении головы до самой

⁶³ Гийу Андрэ. Византийская цивилизация. С. 108.

⁶⁴ Колтакова Г.С. Искусство Византии. В 2 тт. Т. 1. Ранний и Средний период. СПб., 2004. С.15, 16.

⁶⁵ «Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских императоров». Книга 2, 13-16.

⁶⁶ Чичуров И.С. Политическая система и государственная идеология Византийской Империи // Православная энциклопедия. Т. VIII. М., 2004. С.127.

земли и целовании руки, и в славословиях⁶⁷. Без сомнения, это никак не сходно с языческим обоготворением личности самого императора (против чего восставали первые христиане, гонимые за отказ признать римского императора богом). И восточные гиперболические метафоры, закреплявшие в общественном сознании и канонах божественность византийского самодержца, представляли собой главным образом способ обозначения совокупности известных качеств и добродетелей царя.

Следующий идеал православного царя дает один древний историк: «Самодержец познается не потому, что он естественно повелевает другими, но потому, что он прежде всего властвует и управляет самим собой, не давая проникать в себя тайком ничему неподобающему, до такой степени являясь неуязвимым для неумеренных страстей, что становится живой картиной добродетелей для подражания, тем самым воспитывая подданных»⁶⁸.

Антиохийский патриарх Феодор IV Вальсамон (1186 – 1203) утверждал, что царь не подлежит ни законам, ни правилам, т.е. стоит *выше* их (толкование Вальсамона на 19, 20, 21, 22, 23 правила Святого Поместного Карфагенского Собора)⁶⁹. Развивая эту мысль, Болгарский архиепископ Димитрий Хоматин (XIII в.) указывал, что император, будучи по своей власти епископонархом Церкви, руководит соборными определениями и придает им законную силу⁷⁰. В частности, Хоматин писал: «Император... есть и называется верховным блюстителем церковного порядка... Он есть вождь церковной иерархии и законодатель по отношению к жизни и поведению священников; он имеет право решать споры между митрополитами, епископами и клириками и избирать на вакантные епископские кафедры... Словом, за исключением только права совершать литургию и рукоположение, император сосредотачивает в себе все прочие преимущества епископов, и потому его постановления имеют силу канонов... Как Искупитель наш, помазанный Святым Духом, есть верховный наш Первосвященник, так справедливость требует, чтобы и помазанник Божий император наделен был благодатью первосвященства»⁷¹.

Вальсамон утверждал также, что «императоры и патриархи должны быть уважаемы как учителя Церкви ради их достоинства, которое они получили через помазание мирром. Отсюда происходит власть правоверных императоров наставлять христианский народ и, подобно иереям, приносить Богу курение. В этом их слава, что, подобно солнцу, блеском своего православия они просвещают мир с одного его конца до другого. Мощь и

⁶⁷ Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т.1. С. 270-272.

⁶⁸ Евагрий Схоластик. Церковная история. Кн. III, глав. 1. В 3 тт. Т. 2. СПб., 2001. С. 9.

⁶⁹ Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 2000. С.432.

⁷⁰ Цит. по: Грабар А. (А.Н.). Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 107.

⁷¹ Цит. по: Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 2002. С. 331.

деятельность императора касаются тела и души (человека), тогда как мощь и деятельность патриарха касаются только души»⁷².

Впрочем, Церковь воспринимала вмешательство императоров в свои дела как вполне законное явление. Патриарх Мина в VI в. говорил: «Ничто не должно совершаться в святейшей Церкви против воли и приказаний императора»⁷³.

В своем толковании на 12 правило Святого Поместного Анкирского Собора 314 г. Вальсамон приводит событие, связанное с началом царствования императора Иоанна I Цимисхия (969-976). «Пользуясь настоящим правилом, - писал канонист, - святейший патриарх господин Полиевкт (956-970) прежде извергнул из священной ограды Святейшей Божией великой церкви императора Иоанна Цимисхия как убийцу императора господина Никифора Фоки (963-969); а напоследок принял. Ибо вместе со святым синодом в состоявшемся в то время соборном деянии, хранящемся в архиве хартофилакса, сказал, что, как помазание святого крещения изглаждает содеянные прежде грехи, каковы бы и сколько бы их ни было, так, конечно, и помазание на царство изгладило совершенное прежде его Цимисхием убийство. Итак, следуя сему деянию, те, которые более расположены к снисходительности и Божие милосердие ставят выше суда, говорят, что помазанием архиерейства изглаждаются соделанные до него прегрешения, и справедливо отстаивают мысль, что архиереи не подлежат наказанию за душевные скверны, соделанные до архиерейства; ибо, как цари называются и суть помазанники Господни, таковы же суть и именуются и архиереи. Они доказывают свою мысль и тем, что одну и ту же силу имеют и те молитвы, которые читаются, когда помазуются цари и когда хиротонисуются архиереи»⁷⁴.

Показательно приветствие Святых отцов Пято - Шестого (Трулльского) Вселенского Собора императору Юстиниану II Ринотмету (685 –695 и 705 – 711). «Христос Бог наш ...в тебе восставил нам мудрого кормчего, благочестивого царя, поистине защитника, взвешивающего речи на суде, хранящего истину в века, творящего суд и правду посреди земли и шествующего непорочным путем; которого мудрость, выносивши во чреве и прекрасно повивши добродетелями, вскормивши и облачивши и исполниши Божественного духа, поставила оком вселенной, ясно освящающим подданных чистотой и блеском ума; которому Христос вручил Свою Церковь и научил днем и ночью размышлять о ее законе к усовершению и назиданию людей подчиненных...Ты определил собраться сему святому и Богоизбранному Вселенскому Собору, дабы собранием в одном месте и

⁷² Цит. по: *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско – восточной Церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1999. С. 88.

⁷³ Цит. по: *Дилль III.* Основные проблемы византийской истории. С.71.

⁷⁴ Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 2000. С.35, 36.

единомыслием многих было исправлено у тебя должным образом то, что составляет предмет заботливости»⁷⁵.

Удивительно, но ни один император, вне зависимости от авторитета династии, способа прихода к верховной власти, личных качеств и т.п., никогда не был анафематствован Церковью. Этот результат тем более представляется неожиданным, что история знает не только императоров-еретиков и ересиархов (ариане, монофелиты и иконоборцы), но и императора – католика Иоанна V Палеолога. Тем не менее, даже на Шестом и Седьмом Вселенских Соборах, где погашался костер новых ересей, к которым имели непосредственное отношение сами императоры (Ираклий I Великий, Зенон, Лев III Исавр, Константин V Копроним, Лев V Армянин, Феофил), ни одной строкой не было упомянуто что-либо, способное бросить тень на императорский титул. И зная отношение к Православию в самой Империи безосновательно предполагать, будто в данных случаях имела место обычная конъюнктура. Примечательно, что, как указывают историки, император Константин IV Погонат (668-685), собравший Шестой Вселенский Собор, был готов анафематствовать своего отца, если выяснится, что он изменил Церкви⁷⁶. Но, как известно, оба Собора анафематствовали только иерархов-еретиков и ересиархов.

Ради полноты изложения отметим, что Римская церковь все же анафематствовала византийского императора (1281 г.). Им был Михаил VIII Палеолог, и наказание настигло его за непоследовательность в деле соединения Православной и католической церквей. Иначе говоря, римский папа посчитал себя обманутым коварным, как ему представлялось, греком и рассчитался с ним по-своему.⁷⁷ Но, во-первых, такие анафематизмы не признаются Восточной Церковью, а, во-вторых, для Римской церкви наложение подобного рода наказаний на представителей высшей политической власти – обычная практика, что, напротив, не характерно для Православия.

С другой стороны, нигде более не было такого количества канонизированных императоров, как в Византии. Прославились не только цари, созывавшие Вселенские Соборы, но и многие другие, а также члены императорской семьи. Приведем этот великолепный список служителей и устроителей Церкви: Константин I Великий и мать его Елена, Феодосий I Великий, Феодосий II Младший и супруга его Евдокия, Маркиан и супруга его Пульхерия, Лев I Великий, Юстиниан и супруга его Феодора, Тиверий, занесенный в списки под именем «Константина Нового», Сосипатра, дочь императора Маврикия, Феврония, жена императора Ираклия I Великого,

⁷⁵ Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. С. 263-264.

⁷⁶ См. об этом: *Асмус Валентин, протоиерей*. Рецензия на книгу Афиногенова Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784-847). М., 1997 // Богословский вестник. № 4. 2004. С. 509.

⁷⁷ *Пахимер Григорий*. История о Михаиле и Андронике Палеологах. С. 314.

Анфуса, дочь императора-иконоборца Константина V Копронима, Феодора, супруга императора Феофила, при которой произошло окончательное восстановление иконопочитания (Праздник «Торжество Православия», празднуемый с 843 г.), Феофания, супруга императора Льва VI Мудрого, Ирина, супруга императора Иоанна I Комнина, царица Маркиана, Ирина, супруга императора Льва IV Хозара, Иоанн Дука Ватац⁷⁸. В 1992 г. Священный Синод Элладской Церкви принял тропарь и другие песнопения «Константину Палеологу, славному Царю-мученику» - последнему византийскому императору, героически погибшего при обороне Константинополя в 1453 г.⁷⁹.

V. Полномочия императоров

Как единоличный правитель, византийский император обладал всей полнотой власти во всех сферах жизнедеятельности общества. Он по должности являлся верховным военачальником и довольно часто сам возглавлял армию в походах. Ему подчинялась вся исполнительная власть, говоря современным языком, и каждый чиновник являлся слугой императора. Все чиновники Империи были связаны с императором личной клятвой или присягой, которую они приносили ему при восшествии на престол⁸⁰. В случае плохого исполнения поручений императора чиновник нес тяжелое наказание, поскольку, как считалось, он бросал тень на имя царя, делегировавшего ему свои полномочия.

Император был верховным и законотворцем, и верховным судьей. В Византии существовали, конечно, органы представительства, например, Сенат, и нередко его роль была довольно внушительной (особенно при нестроениях в государстве, при смене династий и т.п.). Но как это имело место и в отношении иных органов Империи, полномочия Сената не носили закрытый характер: императоры могли вынести на его обсуждение практически любой вопрос. В частности, Лев III Исавр через Сенат в том числе решал вопрос о запрете почитания святых икон⁸¹. Решение императора Маврикия (582-602) помочь свергнутому с трона персидского царя Хосрова также принималось после консультаций с Сенатом⁸². Эти и многие другие примеры позволяют сделать вывод о том, что императоры нередко прибегали к помощи Сената и других общественных групп для обеспечения своей

⁷⁸ Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 379-380.

⁷⁹ Асмус Валентин, протоиерей. Церковные полномочия византийских императоров // Православная государственность. 12 писем об Империи: сб.ст./ под ред. А.М. Величко и М.Б. Смолина. СПб., 2003. С.44.

⁸⁰ Типичные тексты клятвы приведены у Гийу Андрэ. Византийская цивилизация. С. 109-111.

⁸¹ Лебедев А.П. Вселенские Соборы VI, VII и VIII веков. СПб., 2004. С. 140, 141.

⁸² Феофилакт Симокатта. История. Книга 4, глав. XIV. С. 124.

позиции⁸³. Но без всякого сомнения, Сенат едва ли мог составить конкуренцию полновластному и авторитетному монарху. А слабому царю даже и поддержка Сената не оставляла серьезных шансов на поправку дел.

«То, что нравится правителю, - имеет силу закона», - говорил знаменитый юрист Ульпиан (III в.), и этот принцип являлся основополагающим для Византии. Другое дело, что в подавляющем большинстве случаев императоры являлись не только патриотами Империи и верными чадами Церкви, но и прекрасно понимали нужды государства. Поэтому, в том числе, в Византии царил не только культ императора, но и культ права, а законодательство Империи легло в основу западноевропейского и русского права как прекрасный образец юридической культуры. «Закон получил наименование от правды, так как есть искусство прекрасного и равного... Правда же есть твердая и постоянная воля, воздающая каждому принадлежащее ему право. Свойства правды – честно жить, другому не вредить и каждому воздавать свое. Мудрость правды состоит в познании дел Божеских и человеческих, справедливого и несправедливого», - говорится в *Василиках* – древнем сборнике византийского права⁸⁴.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что православные цари вовсе не были нигилистами. Воспитанные в духе традиционной римской культуры, они знали границу своей воли не только в церковных канонах и догматах веры, но и светских законах Империи. Император обязан был соблюдать и свои указы, и неотмененные законы своих предшественников. Это побудило Льва VI Философа (886-912) заявить в одной из своих новелл: «Законы – это в некотором роде стражи нашего существования и врачи, они то мешают злу целиком захватить общество, то исправляют ущерб, нанесенный теми, кто сумел ускользнуть от нас... Каждый знает, что все законы, власть которых освящена указами, издаваемыми нашим императорским величеством, а также обычаи, которые были подняты до уровня законов, управляют государством»⁸⁵.

Естественно, как, впрочем, и для других древних государств, император признавался высшим судьей Империи, и апелляция к нему была открыта как для самого бедного, так и самого богатого человека. Причем, высшие прерогативы императора как судьи распространялись и на область церковного суда. «Царская власть может делать все: она может назначать гражданского судью, чтобы судить епископа или другое посвященное лицо,

⁸³ *Гийу Андрэ*. Византийская цивилизация. С.133, 134.

⁸⁴ Цит. по: *Соколов И.И.* Вселенские судьи в Византии // *Соколов И.И.* Сочинения. СПб., 2003. С.222-223.

⁸⁵ Цит. по: *Гийу Андрэ*. Византийская цивилизация. С.132.

привлекаемое к суду. Эта же власть может, по законному усмотрению, церковный суд заменять светским», - писал древний автор⁸⁶.

Вместе с тем, известна ситуация, когда власть суда возносилась и над императорской персоной. Например, хрисовулом Андроника II (1296 г.) был учрежден Вселенский суд, в состав которого вошли как миряне, так и иерархи, с неограниченной по существу компетенцией. Вселенские судьи принимали к рассмотрению любые дела, а их решения имели обязательную силу даже и для императора. Пришедший к власти после деда Андроник III Палеолог сохранил статус и прерогативы вселенского суда, хотя впоследствии он был распущен по причине высокой степени коррупционности судей⁸⁷.

Как следует из 3 новеллы св. императора Юстиниана Великого, сам патриарх подлежал ответственности перед царем в случаях рукоположения клириков сверх установленного монархом числа. А в своем толковании на 12 правило Святого Антиохийского Поместного Собора (341 г.) Вальсамон писал следующее: «Поелику законом постановлено, чтобы никто не терпел от другого обиды, то и сам патриарх может быть судим царем как блюстителем (*епистимонархом*) Церкви, если бы, например, был обвиняем в святотатстве или неправославии, или в каком-нибудь другом преступлении, ибо мы видели это на практике в разные времена, но суд его не должен подлежать отчету ради величия его престола»⁸⁸.

Как верховный правитель Империи, в границах которой и существовала Вселенская Церковь, императоры в полной мере чувствовали свой долг перед Православием как православные владыки. Это привело к тому естественному состоянию дел, когда никакой формальной границы между церковной и общеполитической деятельностью как императоров, так и иерархов не существовало. С одной стороны, патриархи и епископат (Синод) нередко оказывали решающее влияние не только на ход имперской жизни, но и на определение самой кандидатуры императора. С другой, византийским императорам нередко принадлежало едва ли не решающее слово при возникновении догматических споров и осуждении ересей. Им же принадлежали административные прерогативы при определении границ епархий и патриархий, а также при поставлении патриархов и их отставке с кафедры.

Императоры определяли для храмов количество пресвитеров, диаконов и диаконисс (до тех пор, пока институт диаконисс не изжил себя) и прочих клириков (св. Юстиниан Великий, Ираклий Великий)⁸⁹. Цари устанавливали

⁸⁶ Цит. по: *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско – восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С. 88.

⁸⁷ *Соколов И.И.* Вселенские судьи в Византии. С. 228 – 233.

⁸⁸ Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 2000. С. 175.

⁸⁹ Правила Святых Вселенских Соборов. М., 2000. С.335.

отдельные правила богослужения⁹⁰. Ими рассматривались спорные канонические вопросы. Вальсамон в толковании на 48 правило Шестого Вселенского Собора ссылается на судебное дело, решенное императором Исааком II Ангелом (1185-1195, 1203-1204) в присутствии 3 патриархов и 40 митрополитов о судьбе жены лица, рукоположенного в епископы⁹¹. Св. Юстиниану принадлежит 123 новелла, установившая целибат епископов, и 137 новелла, которой предписывается тайносовершателям читать вслух Евхаристии и Крещения.

Императоры устанавливали порядок отлучения пресвитерами прихожан от Святого Причастия при совершении ими церковного проступка (св. Юстиниан I Великий)⁹². Лев VI Мудрый (886-912) своим законом (XVII новелла) определил сроки крещения новорожденных (если им угрожает смерть или они больны) и случаи, когда допускалось принятие Тайн роженицами⁹³. Андроник II Палеолог (1282-1328) - своим эдиктом запретил епископам брать плату за хиротонию: вынужденная мера борьбы с симонией (продажей церковных должностей), которая периодически принимала масштабные формы⁹⁴.

Императоры нередко выступали в качестве авторов церковных песнопений, вошедших в состав богослужения. Св. Юстиниану I Великому мы обязаны столь знакомым нам тропарем «Единородный Сыне и Слове Божий, Бессмертный Сый...», авторство которого принадлежит лично государю⁹⁵. Император Феодор II Ласкарь (1254-1258) написал Великий молебный канон Богоматери, вошедший в славянские Октоих и Псалтирь с воследованием⁹⁶. Монархи определяли сроки празднования великих праздников, как, например, император Андроник II Палеолог (1282-1328), который своей новеллой предписал праздновать Успение Пресвятой Богородицы не один только день, но весь месяц⁹⁷. Церковные праздники в

⁹⁰ Там же. С. 379-380.

⁹¹ Там же. С.447- 448.

⁹² Там же. С. 637.

⁹³ Правила Святых Апостол и Святых Отец с толкованиями (репринт издания 1884 г.). М., 2000. С.16.

⁹⁴ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско – восточной Церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998. С.129-130.

⁹⁵ См., напр.: *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 2. С. 190.

⁹⁶ *Асмус Валентин, протоиерей.* Церковные полномочия императоров в поздней Византии // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 2002. С. 75.

⁹⁷ *Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско – восточной Церкви от конца XI до середины XV века. С.130.

честь св. Афанасия Великого, св. Василия Великого также были установлены императорами⁹⁸.

Император Лев III Исавр (717-741) *личным указом* произвел передел границ Римской и Константинопольской патриархий, подчинив власти греческого иерарха сотни епархий вместе с епископами⁹⁹. А св. император Юстиниан I Великий (527-565) своим эдиктом от 535 г. (11 новелла) создал новую епархию на своей «малой родине», предоставив права митрополита ее епископу. Эдиктом (указом) 545 г. (131 новелла) Император подтвердил права митрополита за епископом Первой Юстинианы, точно определив территорию, на которую распространялась его юрисдикция¹⁰⁰.

«Воля императора, - совершенно справедливо писал Н.А. Скабаланович, - была единственным имевшим значение фактором при производстве патриархов на престол, от воли императора зависело и свержение патриархов»¹⁰¹. Императоры назначали также лиц на административные церковные должности. В частности, назначение на должность великого эконома Константинопольской патриархии, в обязанности которого входило заведование финансами, почти целиком зависело от воли царя. И порой на эту должность назначались даже светские лица, как, например, при императоре Константине VIII (1025-1028), когда великим экономом стал его родственник и будущий император Роман III Аргир (1028-1034). И назначение на должность великого скевофилакса, заведовавшего сосудами, священными одеждами, книгами и вообще утварью Великой Церкви, также опиралось на волю василевса¹⁰².

Прерогативой императоров являлось и возведение епископов в митрополиты, а также пожалование епископам привилегии носить саккос¹⁰³. Более того, власть византийских императоров при поставлении архиереев распространялась даже на Рим, о чем свидетельствует характерное суждение древнего греческого историка современника императора Мануила I Комнина (1143-1180). Повествуя о том, как некий германский император пытался поставить своего избранника на римскую кафедру, византийский историк Иоанн Киннам (после 1143 – начало XIII в.) оценивал его действия как незаконную и дерзкую попытку присвоить себе достоинство римского самодержца, «так как кроме римского царя (т.е. византийского императора. - *А.В.*) никому иному не дозволяется давать Риму архиерея. С течением времени, - продолжает он, - от небрежения византийских царей этот обычай

⁹⁸ Суворов Н.С. Учебник церковного права. СПб., 1913. С. 76.

⁹⁹ Карташев А.В. Вселенские Соборы. М., 1994. С. 468.

¹⁰⁰ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 2. С. 50, 217.

¹⁰¹ Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. В 2 т. СПб., 2004. Т. 2. С. 80.

¹⁰² Там же. С. 77, 78.

¹⁰³ Суворов Н.С. Учебник церковного права. С. 77.

пришел в забвение: никто и никого не поставлял в Рим архиереем; поставление совершалось собором епископов и римской иерархией»¹⁰⁴.

С другой стороны, с первых веков существования Византии как православной империи, Церковь в лице клира и своих иерархов имела чрезвычайное влияние на ход государственных дел, нередко исполняя и политические полномочия. Епископы не только исполняли функции судей, но и главные политические должности. Патриархи нередко предвосхищали имя нового монарха, и в любом случае их позиция очень много значила в политике Империи. Например, ключевой фигурой во время второго иконоборческого периода являлся патриарх Иоанн VII Грамматик (837-841), а не императоры¹⁰⁵.

Духовные лица нередко занимали в Византии высшие государственные должности, не говоря уже о том влиянии на внешнюю и внутреннюю политику государства, которое имели патриархи и отдельные монастыри, например, Студийский. Первым министром, которому фактически были подчинены все отрасли государственного управления, при Романе III Аргире (1028-1034) был назначен некто препозит Иоанн, позже принявший монашеский постриг и ставший синкеллом, но одновременно исполнявший и обязанности первого министра. При Михаиле VII Дуке Паррапинаке (1071-1078) некоторое время первым министром был митрополит Сидский, протосинкелл Иоанн. Это же лицо было вновь возведено на указанную должность при следующем государе Никифоре III Вотаниате (1078-1081). Позже его сменил некий монах Михаил, имевший одновременно с должностью первого министра духовный чин ипертима¹⁰⁶. Другой характерный пример: после смерти императора Романа II (959-963) Константинопольский патриарх Полиевкт (956-970) при одобрении Синода фактически назначил на должность автократора-стратига Азии будущего императора Никифора II Фоку (963-969), взяв с него клятву не замышлять ничего нечестивого против малолетних детей покойного императора¹⁰⁷. Как можно понять из летописи, для Фоки это событие очень многое значило на пути к императорской короне. Разумеется, это далеко не единичные примеры.

Завершая повествование, отметим, что все приведенные примеры со всей очевидностью свидетельствуют об особом характере православного правосознания, наиболее ясно и полно проявляющемся в идее монархии. Это – квинтэссенция православной политической философии, следы которой без труда обнаруживаются как в политических трактатах Западной Европы до

¹⁰⁴ *Киннам Иоанн*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Кн. 5, гл. 9. С. 180.

¹⁰⁵ *Асмус Валентин, протоиерей*. Рецензия на книгу Афиногенова Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784-847). С.499.

¹⁰⁶ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. Т.1. С.310-313.

¹⁰⁷ *Лев Диакон*. История. Кн. 2, 12. С.22.

момента ее секуляризации, так и в доктрине русского монархизма. Очевидно, эти обстоятельства, во-первых, позволяют оценить значение монархической идеи для других политических конструкций, рожденных гением Церкви. И, во-вторых, правильно применять ее при историко-правовых исследованиях и анализах.